

Г. В. Вишина

ПОВЕСТЬ АЛЕКСЕЯ ПРАСОЛОВА «ЖЕСТОКИЕ ГЛАГОЛЫ» В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ И МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

В 2000 г. 11 октября исполнилось 70 лет со дня рождения поэта Алексея Прасолова. Для России 2000 год — это год 55-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне.

В 1970 г. Алексей Прасолов написал «Жестокие глаголы», имея за плечами двадцатилетний опыт работы районного журналиста, три стихотворных сборника и членство в Союзе писате -

© Вишина Г. В., 2001

лей СССР. В том году поэту Прасолову исполнилось 40 лет. При жизни автора эта повесть не была напечатана. Впервые ее издали в Воронеже в 1984 г. Единственную публикацию повести подготовили Раиса Васильевна Андреева-Прасолова и писатель Виктор Викторович Будаков.

В 2000 г. прояснилась необходимость внимательного прочтения повести А. Прасолова, тем более что пока нет ни одного критического отклика на это произведение о Великой Отечественной войне.

Подготовка к празднованию 25-летия со дня Победы началась в нашей стране с 1968—1969 гг. Как журналист районной газеты Прасолов принимал участие в сборе и публикации материалов к этой дате. Следует сказать, что вместе со своими ровесниками чье рождение выпало на 1930 г., Владимиром Гордейчивым и Анатолием Жигулиным, Алексей Прасолов пришел к теме «военного детства» своим особым путем. Ему не выпало счастья учиться в Литературном институте в Москве, как Владимиру Гордейчеву, которому годы учебы подарили дружбу сокурсников, творческие семинары, возможность постижения тайны мастерства и в конечном счете некую окрыленность и удачу на все последующие годы. На долю Анатолия Жигулина выпали испытания политзаключенного с девятнадцатью лет. После 1955 г. Жигулин подступал к теме «военного детства» через память о лагерных дорогах Сибири и Колымы.

Из-за нужды, материальной неустроенности, фактического сиротства Алексей Прасолов не смог учиться в Воронежском университете. Работа районного журналиста стала «школой жизни», мастерской поэта и прозаика, источником философского анализа и постижения судьбы своего поколения, судьбы России в XX в.

Время прозы пришло к сорока годам... Когда-то И. С. Никитин написал повесть «Дневник семинариста» в 37 лет, насыщенную переживаниями своей юности. Прасолов в 40 лет создал повесть с сюжетом из «военного детства», в которой слились думы поэта, его прозрения и литературное мастерство. Работав в те годы в редакции газеты Хохольского района «За коммунистический труд», Прасолов публиковал материалы о колхозниках и рабочих, о буднях сельской интеллигенции. Нередко его статьи появлялись в газете «За изобилие» соседнего Россошанского района. Изучал подшивки районных газет того времени, понимаешь, что Прасолов часто пользовался псевдонимами. Раиса Васильевна Андреева-Прасолова подтверждает догадки, называя

фамилии Петров, Гринёв, Литвинов и Алексеев, которые журналист Прасолов выбрал для себя в качестве псевдонимов.

Среди публикаций А. Прасолова тех лет особое внимание привлекает статья «Музей в Ивановке» (За коммунистический труд. 1969. 7 окт.). Она подписана псевдонимом А. Алексеев. Рассказывается в ней о музее в селе Ивановка, который разместили в одной из комнат правления колхоза, о перезахоронении советских солдат в одну общую могилу в 1965 г. Здесь, «в братской могиле лежат в основном те, кто попал к врагу в руки, — разведчики, бойцы, вырывавшиеся из-за окружения, четыре летчика из сбитого нашего самолета».

Для А. Прасолова и сельский музей, и скромный обелиск, установленный на вершине холма, — это материализованная память о тех, кто выполнил свой долг перед предками и потомками, кто ценой своей жизни остановил нашествие врага. Автор, размышляя, обращается к своему читателю: «Что происходило на месте, где ты живешь, какие события и какой след оставили на земле, по которой ты ходишь, — разве можно без этих вопросов, без интереса к истории хотя бы своего села считать сегодняшнего человека благодарным по отношению к людям, жившим до него и боровшимся за землю, за жизнь, за будущее своих потомков?»

В сельском музее представлены история села Ивановки, документы, письма, фотографии. Посетители видят макет ветряной мельницы, нарядную одежду сельской девушки с вышивкой, деревянный ткацкий станок, пару лаптей, предметы быта. Особые стенды для фотографий и писем с фронта 1941—1945 гг.

Школьные педагоги, учащиеся средней школы села Ивановки занимались сбором материалов для музея, принимали участие в оформлении экспозиции. В этой совместной работе юные жители Ивановки открыли для себя героические судьбы односельчан, родственников и наставников. Собеседник рассказал А. Прасолову о своих испытаниях за месяцы оккупации в селе: «Когда началась оккупация, мне было девять лет. Много помню. Кого только в селе не побывало! Немцы, итальянцы, венгры, финны...». Жителей не выгоняли из села, даже если дома занимали, например под штаб, потому что, зная, что в селе есть жители, советская артиллерия сдерживала огонь по позициям оккупантов. На одном из стендов сельского музея — фотографии и имена тех, кто не вернулся домой с фронта. Всего более 150 человек... «Они погибли, освобождая другие села и города, а рядом — личные вещи, предметы, найденные в могилах тех, кто пал в селе...».

Прасолов - журналист главную заслугу создателей сельского музея видит в том, что у посетителей рождается чувство родины, желание прикоснуться к тому, из чего складывается история.

На страницах районных газет в те годы появилось немало документально - исторических материалов, некоторые могут и сегодня заинтересовать историков и краеведов. Это очерк И. Бахтикова «Ванятка» (За изобилие. 1969. 27 сент.), статьи В. Степаненко «Память сердца» и А. Морозова «От Россоши до Берлина» в той же газете (1969. № 146, 128), статьи и фотоматериалы других авторов.

Празднование 25-летия Великой Победы не было формальной агитационной кампанией партийных организаций, хотя, естественно, партийная пресса выполняла свои программы. Эту дату стремились отметить все: готовили семейные праздники, торжественные собрания проходили в рабочих коллективах, в школах и вузах. Настроение праздника и скорбной памяти о погибших в годы войны было искренним.

В повести А. Прасолова «Жестокие глаголы» основным пафосом можно считать ожидание освобождения от оккупантов и полной победы над врагом. Импульсом к ее написанию стали статьи Прасолова и его коллег в газетах, настроения в обществе, обращение к своей собственной жизни.

Название повести «Жестокие глаголы» не было зафиксировано автором в рукописи. Текст озаглавлен только словом — «Глаголы». В одном из писем поэт обмолвился: «... в повести «Жестокие глаголы...», вероятно, автор считал такое название возможным, и оно появилось в сборнике 1984 г.

«Глагол» — слово из старославянского или церковнославянского языка, имеет духовную и нравственную наполненность. Словосочетание «божественные глаголы» порой используется в молитвах, например, в молитве Андрея Критского. Одним из эпиграфов к стихотворению 1967 г. А. Прасолов избрал строку из стихотворения А. С. Пушкина: «Но лишь божественный глагол...». По отношению к данной повести это слово обозначает детские и подростковые годы, годы учения, когда маленькие люди постигают родной язык и литературу, мир во всей сложности, а порой и во всей жестокости, если годы их детства — это военные годы.

Нет ясности в развитии фабулы повести. Ее надо извлечь, распугав сложный ассоциативный ряд, в который автор включил эпизоды жизни рассказчика-подростка в годы войны и воспоминания рассказчика-взрослого, однажды посвятившего целое утро

воспоминаниям тридцатилетней давности. «Поток воспоминаний» не однороден. Он включает различные эпизоды жизни рассказчика осени 1941 г. и лета 1942-го. Воспоминания прерывают размышления взрослого, причем это встречается в пределах одного предложения.

Пересекающиеся «потоки», как теплое и холодное течения реки, набегают друг на друга, разбегаются, идут параллельно, из них причудливо сплетается ткань, содержательное пространство повести. Эта вязь, этот сложный рисунок и мозаика эпизодов необходимы Прасолову для показа духовного состояния подростка, переживающего отступление нашей армии и нашествие врага на его родную землю.

Содержание повести разворачивается по закону поэтической метафоры. Рассказчик, сорокалетний человек, летней ночью уходит из дома, не взяв рыболовные снасти. «Чтобы плыть по реке, я имел в руках легкое, сухое до звона весло и лодку, чуткую к каждому движению гребца, а чтобы пройти по руслу *тех давних лет*, мне была нужна только моя живая память. Это она подняла меня в ночь, как когда-то условный троекратный стук моего товарища» (курсив мой. — Г. В.). А. Прасолов в одном предложении соединил действие и память человека, поток жизни и течение реки, которая помнит рассказчика подростком военного лихолетья.

Воспоминания начинаются с такого же раннего утра в июне 1942 г. Рассказчик, тогда подросток, услышал стук в окно, которым друг вызывал его из дома на исходе лунной ночи. Легким шагом мальчики прошли через двор сельского клуба, через огороды, перепрыгнули через канаву и очутились в большом колхозном саду. Преодолев ягодник с созревшей малиной, они увидели немецких солдат-разведчиков, которые в тени садовых деревьев аппетитно и сытно завтракали. Один из двух офицеров позвал мальчиков к себе, проверил карманы, которые топорщились от яблок, и, ухватив подростков за ворот рубашек, вытолкнул на дорогу. В этот момент рассказчик пережил острую душевную боль от унижения и своей беспомощности. Вернувшись домой, он сказал матери как можно спокойная: «Немцы пришли». Потом над селом пролетели немецкие самолеты, а к полудню в село вошел отряд немецких солдат. «Оружия ... было так много, словно отряд только что ограбил арсенал. Солдат было уже около полтора ста...»

Рассказчик вспоминает, что в эти дни наступает его взросление: «... я замечаю, что в последние дни выбиваюсь из-под ее

(матери. — Г. В.) опеки, делаюсь в каждом своем поступке самостоятельной, — пристальной всматриваюсь во все происходящее и даже себя могу увидеть как бы со стороны».

По селу проносятся военные мотоциклисты, громяют грузовики, проходят моторизованные и пешие части, общевойсковые и гестаповские. Мальчики пытаются осмыслить свою жизнь в новых условиях, наблюдают поведение односельчан и оккупантов.

Жизнь в оккупации стала реальностью, но однажды в небе появился самолет с красными звездами на крыльях. Все жители села и немецкие солдаты наблюдали воздушный бой. Маленький советский самолет-разведчик был атакован немецкими истребителями, подбит, но не сдавался: «... умирающий на лету, снижаясь, перетянул через занятый немцами аэродром и — о господи! Выпустил шасси, плавно погружаясь за черту горизонта». Ни рассказчик-подросток, ни немецкие солдаты, ни двое пленных, которые наблюдали Воздушный бой, не увидели ни спасения, ни гибели экипажа. А один из пленных русских солдат, «старый, с бородой и волосом на груди, глядя на горизонт, перекрестился...».

Жизнь в оккупации каждый день давала подростку уроки мужества и предательства, примеры преодоления испытаний и веры в будущее, которое должно обязательно наступить.

В 1970 г. повесть А. Прасолова «Жестокие глаголы» оказалась незаконченной не было подвига, конкретного поступка мальчика, не воспроизводились зверства фашистов. Повесть завершалась словами о рождении нового мироощущения, состоящего в том, что история проникает в судьбу мальчика, он чувствует динамику и переживает военные годы как испытания, выпавшие на долю его самого его семьи и всей его деревни.

В стихотворении В. Гордейчева «Оккупация» (1956) передан опыт жизни в военные годы другого подростка:

На каменной этой дороге,
где русские венные шли,
мы новые брали уроки,
но старых забыть не могли.

В последнем абзаце повести А. Прасолова соединились два речевых «потока» — рассказчика-подростка и рассказчика — сорокалетнего человека. Первый завершал воспоминания мальчика: «С этого дня я стал жить с постоянным ощущением неба над собой». А последняя фраза зрелого человека: «Небо, небо, ка-

ким только не было оно в моих обращенных к нему глазах!» содержит в себе опыт человека, прожившего 1942 г., пережившего 1943-й — год освобождения Воронежского края от оккупантов, 1945-й — год взятия Берлина и окончания второй мировой войны, год Победы.

Мы завершили анализ фабулы повести, но ее содержание гораздо шире рассмотренных событий. Композиция повести включает еще целый ряд эпизодов, свидетелем которых стал в дни войны мальчик, Это прежде всего эпизоды осени 1941 г., когда в селе стояла наша воинская часть. Семья подростка в эти тревожные дни наступления немецкой армии в сторону Курска состояла из младшего брата и матери. В их саду расположилась походная кухня, которой заведовал старший повар по фамилии Лагода, уроженец псковского края. Мальчик часто беседовал с ним о войне, слушал его увлекательные рассказы о битвах Александра Невского, о псковичах, которые разбили войско немецких рыцарей на Чудском озере. Из этих разговоров подросток запомнил фразу: «...громяще хоробрые псковичи немци на Чуди!», которую не раз вспоминал военный повар, пересказывая летописи героических подвигов древней Руси.

Но не только рассказы бывалого солдата стали уроками мужества для подростка, живущего в прифронтовой области в дни войны без отца. Нравственный опыт был и в происходящих событиях. Однажды мальчик даже увидел сон, в котором предугадал трагическую судьбу младшего повара, помощника Лагоды.

Из письма младший повар узнал, что у него родился сын - первенец, которого он так хотел, но не мог подержать на руках, дать ему имя. Самое обидное состояло в том, что родная деревня новоиспеченного отца находилась недалеко от расположения части, но никто не позволил ему навестить близких. Мятущаяся душа повара не выдержала, и он все-таки решился на побег. Рассказчик-подросток стал свидетелем этого происшествия, он видел, как младший повар загубил свою жизнь и свою душу этим поступком. Ибо никакие причины не оправдывают дезертирства. Идет война, и устав, приказы командиров определяют судьбы солдат, частей и соединений, целых армий. Это и постиг мальчик в дни войны, не выходя из своего дома.

В повести А. Прасолова «Жестокие глаголы» «пространство детства» это не только школа, колхозный сад и огороды, не только река с ее берегами, затонами и быстринами. Это еще и творчество подростка, в котором пробуждается будущий мысли-

тель и художник. Таинство рождения таланта в дни испытаний вырастает из осознания рассказчиком особой роли художника — ему поручено соединить связь времен.

В повести автор приоткрыл истоки своего собственного становления в дни войны. Детали выглядят очень убедительно. Это и наконечник стрелы, которой мальчик на пашне когда-то наколол ногу, и книги по истории XI—XVI вв. о событиях междоусобных битв, о Дмитрии Донском и Александре Невском:

«Мир битв искал во мне выход и мучительно хотелось рисовать. На каждую белую стену я смотрел как на загрунтованное полотно и вожделенно представлял, как сочно и крепко легли бы на ней краски». Но красок во время войны не было. Мальчик, как первобытный художник, изготавливал их из природных материалов: черную — из сажи, желтую — из глины, пошла в ход и намина синька, а в разграбленном магазине посчастливилось найти банку красной гуаши: «Красный цвет воспринимался мной как древний, истинно русский». Но не только сказки и былины были насыщены красным цветом, а само солнце военного лета, «зловещее, растянуто-багровое, и за ним следом пожарная вечерняя заря...».

А. Прасолов включил в композицию повести очень важный эпизод — вторую встречу в июле 1942 г. рассказчика-подростка с поваром Лагодой. Лагода пришел в знакомый дом, чтобы подготовиться к переходу через Дон, пока фронт не стал сплошным. Он объяснил своему другу, что «...шел по улице, как всякий пленный, — открыто. Так они меньше обращают внимания. Я у них в плену не был — я в окружении. дальше открыто идти нельзя. Завернут — и в концлагерь».

Семья мальчика предоставила солдату кров, хотя это было опасно. Мальчик подробно объяснил Лагоде, как пройти к дону тайной дорогой, «не совсем прямой, но достаточно глухой и безопасной», показал ему свои настенные рисунки. Лагода, рассматривая рисунки, настоящие исторические сцены, пророчески произнес: «Не знаю, что из него выйдет, но, — он показал глазами на стену, — все это так не пройдет...». А на заре, когда надо было выйти из дома, чтобы прорваться из окружения, Лагода на прощанье полусшепотом сказал: «А ты смотри и все запоминай. У тебя хороший глаз и крепкая память. Придут наши, кончится война — и, быть может, ты обо всем этом когда-нибудь расскажешь. Теперь прощай!»

Этот разговор обозначил для героя повести цель жизни в дни оккупации. Чувство ответственности перед теми, кто воюет на

фронте определило судьбу рассказчика, сформировало его личную сверхзадачу — стать свидетелем и летописцем, художником эпохи нашествия. «А внутри билось что-то злое, гордое, торжествующее мелом, углем, красным кирпичом на камне — буду рисовать то, что увижу!»

А. Прасолов выполнил эту задачу. Среди его поэтического наследия есть поэма «Безымянные» (1971). Посвящена она «солдату-коммунисту, Семену Лагоде, вышедшему из окружения в 1942-м... Возможно, памяти его...». Имя Лагоды в повести не упоминается, но фамилия та же. В поэме пять безымянных солдат, одному из них удалось убежать из здания старой церкви в селе которую оккупанты превратили в тюрьму. После расстрела остался в живых одноногий солдат-инвалид. А Лагода? Возможно, что именно он и убежал. Но, может быть, он услышал историю дерзкого побега от солдата-инвалида? Поэма А. Прасолова «Безымянные» — это попытка исполнить свой долг перед павшими, перед тем военным поколением, кто остановил и разгромил врага.

Отдельные детали авторского эпиграфа к поэме «Безымянные» перекликаются с деталями повести «Жестокие глаголы», как будто продолжается диалог мальчика и повара Лагоды в июльские дни 1942 г.

Что заметил во мне ты
В дальнем сорок втором?
Кисть отбросив, я метил
Годы острым пером.
Да, нескорое дело
Вызреть, выстрадать час,
Чтоб, как долг, до предела
Твой исполнить наказ...